

П Е Р Е В А Л

Колька Семенов пригнал трактор к гаражу, распахнул двери, заехал туда и заглушил мотор. Сегодня он ездил за силосом. Бурт находится километрах в пяти, а вот целый день тратит. Обязательно потемну домой приходит.

Тенью мелких тополедей стоял над трубами дым, скрипел снег под ногами прохожих.

Колька любил после работы тихонько прошагать по всему селу, прислушиваясь к знакомым звукам, к коротким обрывкам речи односельчан. Идет и представляется, как его встретит Клава, чем накормит.

Домик их стоит за школой над обрывом. Внизу бежит речка. Сейчас там снег с редкими плешинами зеленого льда. Буйная она весной. В окно видно, как она рушит лед будто в огромной мисорубке. С Клавой они любят сидеть вечерами у окна. Сидят и не зажигают света. Чуть пламенем полыхает печь, поскрипывает ставнем ветерок, слышно дыхание друг друга...

— Колька! Фу, черт, кое-как выжили...

Семенова тронул за рукав Иван Федорович, немолодой мужчина. Он тяжело дышал и все старался шагать в ногу.

— Убавь, запылился. Колька пошел еще тише. Он знал, что Иван Федорович был на фронте, ранен, потому и шаг его нескороп.

— Выручай, брат. Такое дело. Ленка моя приехала... Проездом она, на одну ночь... Из Москвы, в командировку туда ездила... Такое дело, брат. А мне в тайгу, за лесом... С бригадиром толковал, не возражает, если ты сбегаешь. Ты сможешь... Понимаешь?

Колька понимал. Отец рад приезде дочери и хочет побить с ней. Колька согласился. Через два часа его трактор урчал на малых оборотах возле дома. Клава заботливо сложила в мешочек самопечного хлеба, сала, яиц и даже железную миску тушеной картошки. Теплая, ласковая она прижалась к мужу и зашептала:

— Береги себя. Тайга ж все-таки...

Огни фар ложатся на торную дорогу, указывают путь сверкающим тракам, и они бесконечно сменяют один другой, поднимая над собой метр за метром. Гудит мотор, мелко-мелко дрожит вся стальная масса. Кусок за куском завоевывает яркий свет. И ночь, кажется Николаю, идет впереди трактора на шпалочках, пятится, неохотно уступает дорогу.

«Почему у меня выбор пал? — размышляет Николай. — Иван Федорович знает всех механизаторов до косточки... Вон Селезнев, Барашкин, старше его годами и работой и тоже дома... А Колька работает первую зиму. У техники он, правда, давно. Был штурвальным последнее время, а до армии плугарик, возил горючее. В армии на курсы ходил. Самостоятельно он первый год... На комбайне и с Клавой познакомился. Ну, как познакомился. Знал ее с пеленок она на машине за тут приехала с него не слушает. Лопатой разравнивает зерно по кузову, а сама так это урядкой вскинет свои голубые стелки и улыбнется. Колька не выдержал и кулаком ей погрозил. Клава рассмеялась и плеснула в него горсть зерна. Будто впервые увиделась ему Клава: то, носенная, сильная и красивая с голубыми глазами. Потом в кино рядом сидели...

А почему все же Иван Федорович его выбрал? Колька хорошо думает о старом трактористе, за то что он доверил ему такое дело...

На второй день он добрался до

П. ШМАКОВ

Рассказ

тайги. Она как-то быстро набегала длинными тенями, решетчатая замелькали стволы и, как по команде, стали уходить за спину.

В тайге тихо. Дорога все глубже и глубже погружалась в снег: Белые стены отвесно падали с обрывов идущего трактора.

А вот и перевал, самое опасное место для трактористов: Иван Федорович особо наказывал, как его взять с грузом. Снегу здесь особенно много. Перевал с той стороны крут. И потому, что снега много, машина порой не поспевает уцепиться гусеницами, пробуксовывает, и тогда хоть ма-тущку-ренку пой.

Даже сейчас через перевал опасно ехать. Николай остановил машину, вылез из кабины и стал осматривать перевал. Да, место не завидное. И, глядя снизу вверх, на дорогу, по которой ему придется взбираться с лесом, Николай заскреб затылок. Сомнение в душу прокралось: зачем согласился? Не подняться, как есть не подняться. Но тут же подумал: а другие же поднимаются.

И объезда нигде нет. С одной стороны овражина мощная, с другой — речушка.

Колька захлопнул дверцу и спустил машину с тормоза. Сосны опять вытянулись, как солдаты, и строем уходили назад...

Ребята советовали: — Колька, останься, утром поедешь. А то перевал шутить не любит.

— Мы тоже не лыком шиты, — упрямая огрызнулся Колька.

Он и сам понимал, что ночью ехать рискованно, но его подначивала мысль: Иван Федорович в три дня вернется, а он если останется — выйдет четыре.

— Ты вот что, Колька, — сказал бригадир, колхозник лесорубов. — На перевале не рви машину. Берн в натяжку — выедешь.— Григорьев посмотрел Кольке в глаза прямо и ободряюще и пожал крепко руку. Трактор ушел, клялая гусеницы, на нетвердую, таежную дорогу.

До самого перевала машина шла хорошо. Мотор после капитального и тянет добросовестно.

На тайгушла ночь. Она в лесу находил, обычно, сразу, будто прятается отдельными тенями за стволами, а потом по команде тени заползают и закрывают все пространство. Нырнул трактор в ложбину, выбрался.

Ощутно, как дернулись сани с лесом: взад — вперед.

На третьей скорости машина дошла до половины перевала. Мотор заурчал. Колька дал газу, но скорость упала, и тут он переключился на вторую... И в какую-то долю секунды опоздал...

Гусеницы скребули и сорвали утвердивший верхний слой. Усилились обороты. Ни с места.

Первая... Третья... Вторая...

Дорога разрыхлалась. Сердце у Николая, усаженно стало биться. Под шапкой тепло и влажно. Пот пробил. Пробьет...

Колька убрал скорости и выскочил на дорогу. Картина ясная. Не выдает без помощи. Он сбросил полшубок и вытащил лопату. Воткнул ее в снег и посмотрел на перевал. До конца оставалось метров десять. Рыть? Долго. Но что делать? Сиднем сидеть? Нельзя. До ребят километров пятнадцать. Далеко.

И Колька стал рыть. Он отваливал кубы снега, похожие на огромные куски рафинада и с тру-

дом отставлял их в сторону, к ряду, один за другим. Метра два до земли. Глыбы слишком велика. Николай не может поднять. Приходится резать на две части. Теперь можно.

И на сколько часов хватит тебя, Николай? На два часа? А дел здесь больше. Значительно больше. Темно и холодно. Дурак, надо бы переждать ночь... Нет, ни в коем случае. На день больше проехать — не даст чести. Тебя же послали, а не кого-то... То-то Дышать надо равномерней и не спешить. Иначе сердце сдаст. Вот так. Недаром офицер в армии нам говорил: хотите долго жить — дышите всегда глубоко.

Куб за кубом. Все меньше они и меньше.

Колька воткнул лопату и достал портигар. Закурил. Сердце колотилось под стеганкой...

Взглянул на часы. Прошло больше двух часов. Напрасно не засек, когда начал резать снег.

Но как бы то ни было, а лопатина дороги пробита.

И опять снежные, ровные куски занимают свое место вдоль дороги.

Руки ноют в кистях. Болят плечи, но Колька, стиснув зубы, снова и снова поднимает лопату, пробивает линию с трех сторон, и когда куб канется, он, Николай, подсекает его снизу и поднимает вверх. Это самое тяжелое — поднимать и класть...

«Зачем согласился ехать? Зачем, зачем, — зло упрекал себя Колька и злился на свое малодушие. — Должен выбраться и никаких гвоздей. Будет что Клаве рассказать... Ну, об этом он не станет распространяться, а вот про волков что-нибудь придумаю...»

И когда дорога упала на два метра вниз, Николай тихо побрел к трактору. Ноги словно чужие, плечи что в ссадинах. Подошел, уткнулся головой к теплому, вздрагивающему радиатору.

Постоял... А вдруг опять не возьмет? Мелкого, парохвитистого снега внизу много... Все зря? Черт возьми!

Надо застраховать себя от слезящей неудачи.

Вытащил из кабины топор и стал карабкаться из дорожной траншеи наверх. Колька понимал, если трактор не возмет, он ничего больше не сможет сделать...

Снег глубокий. Провалился по пояс. Лег и стал катиться к первой не толстой, но длинной сосне.

От удара вздрогнул ствол, уронил шапки и тонко обижено завысел. Луно-матовый клин глубже и глубже входит в ствол. Треск — и сосна медленно повалилась. Легла, погрузилась черными лапами в снег, запуталась, обессмыслила и утихла.

Колька уже торопливо пробрался по стволу, обрубая большие ветки, и стал тянуть сосну к дороге. Поддается плохо. Решила отомстить за свою смерть. Но человек упорней. Он заходит с другой стороны, к корню, вонзает острое жало топора в ствол. Руки просунул под топориче и медленно стал разворачивать его к дороге.

Два тонких ствола лежали на дороге и достигали корнями почти конца перевала. Колька кое-как поднялся в машину. Он не стал одевать полшубок, — не хватило сил. Накинул его на спину и взялся за рычаги, но тут же опустил. Руки дрожали. Переждать. Иначе подведут...

Когда перевал остался позади, Колька остановил трактор, открыл дверку и встал на гусеницах во весь рост.

Колька неудержимо смеялся. Он понимал, что одержал первую, большую победу. И не над перевалом, а над собой.

Человек мог гордиться этим.

// Ленинское
знамя,
1965,
20 февраля,
с. 4.